

М. С. Грушевский

Автобиография и Хроника жизни

Фрагменты [20.207]

Печатается по изданию «История украинского народа» — М: Монолит-Евролинц-Традиция. 2002

Автобиография (до марта 1906)	1
Хроника жизни Михаила Сергеевича Грушевского.....	11

Автобиография (до марта 1906)

Я происхожу из старинной, известной с XVIII века, но бедной духовной ссемьи Грушин («Группе»), позднее Грушевских, которые проживали в Чигиринском порете. Были это в основном дьячки, пономари, но деду моему Федору удалось стать священником и переехать под Киев, в село Лесники, и это помогло моему отцу Сергею выйти на дорогу. Хотя он рано остался сиротой, но благодаря энергии и способностям получил высшее образование и, не принявши сан священника, отдался педагогической деятельности. Сначала был «профессором» в семинариях переяславско-полтавской и киевской, потом директором народных школ на Кавказе, а будучи автором одного популярного в России учебника славянского языка, не только мог обеспечить вам, детям, возможность, не заботясь о хлебе насущном, отдаваться научной работе смолоду, но и оставил после себя значительное наследство — в большей части предназначенное им в основном на гуманитарные цели (стипендии и школу),

Мать — Глафира Онокова (правильно Ороцкевич) — происходила из широко известной в юго-западной Киевщине священнической семьи. Я был их старший сын, рожденный 17 сентября старого стиля 1880 года в Холме, где отец тогда был (очень мало) учителем «греко-униатской» гимназии. Я вырос на Кавказе, куда отец переехал в 1860 году: в Ставрополе (1870–1878), потом во Владикавказе, изредка приезжая на Украину. Однако, под впечатлением рассказов отца, что сохранил теплую привязанность до всего украинского языка, песен, традиций, у меня рано пробудилось и развилось национальное украинское чувство, поддержанное книгами,

теми редкими поездками на Украину, что навелось потому в ареоле далекой «отчизны», и контрастом чужеплеменной и иноязычной «чужизны». Рано полюбив читать, лишенный в детстве товарищей, оторванный от земли, я рос замкнутым в себе, среди мечтаний и фантазий.

В тифлисской гимназии, куда я был принят в 1880 году, я с восторгом читал все, что мог найти по истории литературы и этнографии Украины, и, закрепив книжными источниками то знание украинского языка, которое получил дома, стал пробовать свои силы в беллетристике, прозе и стихах. В 1884 году я отправил первые свои пробы пера Исидору Семеновичу Левицкому-Нечую, адрес которого нашел в «Очерках истории украинской литературы Петрова. Поощренный им, я и дальше работал над совершенствованием своего языка и литературного мастерства; в этот период были напечатаны мои рассказы: «Еех-аль-Джур», написанный в начале 1885 года под влиянием сведений о тогдашней Суданской компании, подогретых близкими — кавказскими впечатлениями (напечатан в «Деле» летом 1885 года), «Бедная девушка», написанный под впечатлением близких мне отцовских рассказов о жизни сельского учительства (они перепечатаны в сборнике моих рассказов; опубликованные против моей воли, первые литературные опыты 1884 года не были в нем повторены).

Моей мечтой того времени стало со временем сделаться украинским литератором, издателем и — ученым. Уже тогда украиноведение явилось для меня будущей специальностью, только я колебался, с какого боку подойти к нему — то ли от славистики, то ли от истории. Монографии Костомарова, «Записки о Южной Руси» Кулиша, сборники Максимовича и Метлинского, «История Сечи» Скальковского, «История славянских литератур» Пипина, первые ежегодники «Киевской Старины», перечитанные мною в 1881–1885 годах, послужили путеводными нитями моих интересов и планов. Наконец история взяла верх над славистикой; полемика о началах Руси: разные теории княжой Руси, полемика славянофилов с западниками, теории начал казачества, не говоря о спорах украинофилов с централистами, запреты и препоны украинской литературы и национального развития вызывали у меня, гимназиста V–VII класса, огромный интерес. Я читал в этой области много, выбирая себе из всего прочитанного, без чужого влияния (между учителями или знакомыми в Тифлисе не было никого, кто мог меня проконсультировать по этой проблеме), главные идеи истории, и, собираясь в университет, владел солидным запасом фактических и теоретических знаний.

Тем сильнее мечтал я скорее попасть в Киев, который представлялся мне светочем украинской научной и литературной работы; но отец, побаиваясь моего украинского запала и напуганный тогдашними студенческими «историями», долго не соглашался на это и дал согласие, только взяв с меня обещание, что я не буду участвовать в любых студенческих кружках.

Те годы, 1886–1890, когда я проходил университетский курс (на филологическом факультете), были смутными годами российских университетов, и киевский не составлял исключения. Главным предметом была классическая филология, все остальное, ограниченное общими курсами, было на втором плане. Эти предметы не много могли добавить к тем знаниям, который приносил с собой хорошо подготовленный гимназист.

Семинары были поставлены чрезвычайно слабо. Система наблюдения за любой вольной мыслью со стороны правительства и собственных черносотенцев создавала

удушливую атмосферу. Наибольшее украшение тогдашней украинской науки профессор Антонович оставлял впечатление человека, утомленного этими условиями; он уклонялся от близких отношений со студентами и все больше отдалялся от истории в «более спокойные» в те смутные времена сферы археологии, исторической географии, нумизматики.

Первые годы университетской учебы я отдал работе в семинарах (практическим занятиям) и лекциям; из тем семинарских работ потом была напечатана одна (написанная в 1887 году и несколько раз потом переделанная): «Южно-русские дворянские замки в середине XVI века» — моя первая историческая «работа» (перед этим было несколько исторических и историко-литературных статей и рецензий в журналах и газетах — они указаны в перечне «Научного сборника» за 1906 год). Из курсов лекций на развитие моих научных взглядов и интересов особенное влияние оказали курсы и труды по общественной экономии, экономической истории, археологии, государственного права и истории права. На третьем курсе я начал большой труд на предложенную факультетом (профессором Антоновичем) тему: «История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV века». Работа получила золотую медаль и я был оставлен при университете профессорским стипендиатом по кафедре русской истории. Это была уже довольно зрелая работа: законченная в 1890 году и потом изданная (Киев, 1891 год), она вызвала похвальные отзывы в научных сферах, и на ее основе позднее я стал кандидатом на кафедру истории во Львове.

В конце университетского курса я стал больше сближаться с людьми, бывал в литературных и политических украинских молодежных кружках, занимался их организацией, читал в них доклады, участвовал в заграничных украинских изданиях («Правде» и «Заре»), в составлении первых сборников Научного общества имени Шевченко. Первый их сборник, выпущенный в 1892 году, был открыт моей статьей: «Общественное движение на Украине–Руси в XIII веке». В украинских кругах Киева, в которых я вращался, придавали тогда большое значение реформе, Обществу имени Шевченко, ждали помощи со стороны поляков украинскому культурному и просветительному движению по так называемому «соглашению» украинских народников Галичины с правительством. В начале 1891 года профессор Антонович, вернувшись из поездки на Галичину, рассказал мне про план создания кафедры украинской истории во Львовском университете; эта кафедра была предложена профессору Антоновичу, но он не захотел брать эту тяжесть на свои старые плечи и рекомендовал меня. План этот был принят мной с энтузиазмом, с оглядкой на то значение, которое придавалось тогда в киевских украинских кругах галичинскому движению: киевляне надеялись создать в Галичине силами писателей и ученых всей Украины всеукраинский культурный, литературный и научный центр, и с помощью него проломить систему запретов украинского слова и национальности в России, поднять в ней национальное движение и т.д.

Однако пока создание кафедры украинской истории оставалось только в области планов, нужно было думать про дальнейшую научную работу — я стал готовиться к магистерскому испытанию, (сданному в 1893 году) и работал над магистерской диссертацией. Тема — данная мне тем же профессором В.Б. Антоновичем — была выбрана очень неудачно. Пришлось потратить массу усилий, чтобы сделать из нее что-то более или менее серьезное, и хотя в результате вышла книга достаточно ценная (хотя и очень специальная) по очень мало изученной общественно-национальной

истории Подолья XIV–XVIII веков («Барское староство, Исторические очерки». Киев, 1904, и два тома актовых материалов «Архив Юго-западной России», часть VIII, тома I и II, изданные одновременно с работой), однако результаты работы соразмерно с вложенным в нее трудом, достаточно невелики, и нужно было много научного усердия, чтобы не бросить ее на половине дороги. Правда, большой объем архивной работы, который я из-за нее проделал — сотни просмотренных актовых книг, работа в архивах Киева, Варшавы, Москвы, не прошел даром и пригодился мне позднее.

В мае 1894 года я защитил этот труд как диссертацию на степень магистра, а 1 апреля того же года «императорским рескриптом» во Львовском университете была создана кафедра «всемирной истории со специальным обзором истории Восточной Европы» (так был изменен первоначальный план основания кафедры украинской истории, а тогдашний магистр Гауч мотивировал эту замену тем, что украинская история не может считаться конкретной наукой), и тогда же на эту кафедру пригласили меня (официальное предложение было сделано на год ранее). Заканчивая издание диссертации и актов (последние главы диссертации и II том актов вышли летом 1894 года), мне нужно было подготовиться к чтению лекций. Я впрягся в эту работу с большим вдохновением, не предчувствуя еще тех разочарований и трудного положения, ждавшего меня на Галичине.

Вскоре после моего приезда на Галичину умер профессор Огоновский, и на меня было возложено, так сказать, научное представительство галицкой Украиной. Кроме университетских курсов, которые должны были забирать в первое время очень много времени, я проводил публичные лекции и доклады, а также взялся за организацию научной работы в недавно реформированном, но совсем еще не выведенным на научную работу Научном обществе имени Шевченко. Взявшись за редактирование Записок (формальным редактором я стал с 1895 года, фактическим — ранее), я сделал их вместо ежегодных ежеквартальными, а потом их выходящими раз в два месяца, сам публиковал в них много работ и рецензий, а одновременно с ними начал издавать (с 1895 года) в Обществе другие, специальные публикации — Джерела по истории Украины-Руси, Этнографический сборник и другие, сам редактируя их первые тома. При этом оказалось, что надежды на участие украинских ученых из России в этой, (долгожданной для российской Украины и так необходимой) научной работе были напрасны: одни обещали и не давали ничего, другие ограничивались разными отговорками. Даже книги или справки тяжело было добиться, хотя как же смертельно тяжело было работать в тогдашнем Львове, при отсутствии какой-нибудь библиотеки с серьезным подбором литературы и периодики по украинской истории или какой-нибудь другой украинской дисциплины.

Еще большее разочарование вызвало то, что надежды на лучшие условия для украинского культурного и специально-научного развития, на приязненность к национальной украинской идее со стороны правительства и поляков, с которыми и приехал на Галичину, опираясь на уверения только неглубоко ознакомленных с галицкими обстоятельствами киевлян, опираются на фальшивые заверения со стороны поляков, которые с помощью «соглашения» и ценою небольших подачек культурно-исторического плана, хотели задавить всякое оппозиционное, свободололюбивое движение среди «галицких русинов». Вскоре пришлось увериться, что и киевские приятели глубоко ошибались в своих симпатиях к «соглашению», и «соглашателям», что поляки ничем не хотят поступиться в своей власти и не понимают

никаких других отношений к русинам, как отношения главной народности ко второстепенной (служебной). На этом пункте мне пришлось более или менее резко разойтись даже с ближайшими приятелями, сблизившись с кругами резко оппозиционными. С другой стороны, отношения с польской университетской коллегией, которая хотела иметь во мне покорного прислужника польской власти, скоро испортились окончательно и проносили мне много неприятностей. Я сильно из-за всего этого заболел, так что еле-еле мог работать.

В общественно-политических кругах я наконец резко выступил против соглашателей и сблизился с элементами радикальными, вместе с ними стал участвовать в реформе галичинского народничества в духе больше радикально-постепенном. Реформа была проведена в конце 1899 года, и вместе с несколькими виднейшими радикалами я вошел в главный (эксекутивный) комитет реформированной партии, как заместитель председателя (председателем остался старый предводитель народников Романчук).

Однако убедившись вскоре, что проведенная реформа не избавила народническую партию от ее старых заблуждений, я через несколько месяцев вместе с доктором Франком вышел из комитета, отстранился от участия в партийной деятельности народников и не раз выступал против их ошибочной политики, являясь вместе с доктором Франком и молодыми товарищами представителями левого направления, которое представлял основанный в 1898 году журнал «Литературно-научный вестник».

Специально проведенная в 1904–1905 годах кампания против использования некоторыми людьми национальных струн общества вызвала на меня тяжкие громы со стороны официальных представителей народовольцев. В польских кругах положение мое в университете, близость к университетской молодежи и решимость, с которой я проводил идею национального равноправия украинского элемента с польским (и русским), вызвали на меня особенно сильные атаки во время борьбы за университет в 1901–1903 годах, когда польские националисты «обсыпали» меня разными инсинуациями в желтой прессе, требовали моего увольнения из университета и отдания под суд.

Одновременно москвофильские и славянофильские киевские и Львовские «деятели» мстили мне с другой стороны, называя предводителем украинского сепаратизма, указывая, например, на мою подпись под манифестом реформированного народничества, который ставил главной целью национальной программы политическую самостоятельность Украины и т.д. Снова усилил эти придирки изданный в 1904 году в России «Очерки истории украинского народа», в котором враги украинства справедливо увидели историческое оправдание национальных украинских желаний и программу украинской автономии, а также статьи, которые с началом освободительного движения в России я печатал в российских газетах по украинскому национальному вопросу. В эти годы мои приятели из российских официальных кругов предостерегли меня от приезда в Россию, и я несколько лет не приезжал туда, до 1905 года, и это очень мешало мне (все свое время львовского профессорства я оставался российским подданным и с российским паспортом приезжал, обычно 2–3 раза в год для научных занятий и общественных встреч).

В такой тревожной воинственной атмосфере не легко было вести научную работу, которая требует покоя и сосредоточенности. Тем временем ее не убывало, а

прибывало. С начала 1897 года я стал председателем Общества имени Шевченка (руководил им фактически со времени своего приезда), и остался и далее председателем его исторической секции и археологической комиссии и редактором «Записок», куда вкладывал много труда и редакторского и авторского. Кроме лекций и семинаров в университете (семинарским занятиям я придавал самое большое значение, стараясь привлечь способных слушателей к самостоятельным научным занятиям), я вел частные научные занятия со студентами — своими слушателями и посторонними (раздавал книжки для рефератов и оценок, потом эти рефераты зачитывались и разбирались, некоторые самые лучшие были опубликованы). Таким образом желающие слушатели привлекались к научной работе, переходя от рефератов в библиографическом отделе «Записок Научного Общества имени Шевченко» к самостоятельным оценкам, от небольших работ до самостоятельных исследований.

Хотя галичинские обстоятельства низводили в большой мере эту работу до работы Данаид, так как подготовлены молодые адепты исторической науки должны были идти в глухую провинцию и часто как раз научные надежды, которые они подавали, служили мотивом для предрержащих властей держать их в черном теле, все-таки из моего семинара и из этих *privatissima* вышло немало людей, которые оставили небольшой, а часто и достаточно заметный след в научной работе, а некоторые занимаются ей и сейчас, не считаясь с тяжелыми обстоятельствами (идя в хронологическом порядке, это были: О. Терлецкий, Д. Коренец, М. Кордуба, С. Томашевский, С. Рудницкий, О. Целевич, Ю. Кмит, З. Кузеля, О. Чайковский, В. Герасимчук, О. Сушко, Ф. Голийчук, И. Джиджора, И. Кревецкий, И. Крипякевич и другие).

В конце 1897 года поднял я проблему реформирования иллюстрированного еженедельника «Заря» в литературно-научный месячник; проект был принят отделом Научного Общества имени Шевченко и с 1898 года начал выходить «Литературно-научный вестник», а в числе редакторов был поначалу и я (совместно с Маковеем и Франком, позднее с Гнатюком и Франком). Принимал в нем большое участие, особенно в первое время, когда издательство становилось на ноги и мне приходилось выполнять роль главного редактора (сам и печатал и статьи по литературе и общественно-политические обзоры) и в последних, 1905–1906 годах — когда писал в нем публицистические статьи по разным общественным проблемам.

В конце 1898 года, по случаю празднования столетия украинской литературы, я выступил с проектом создания особого издательского товарищества, главным образом для публикаций беллетристических и научно-популярных, которые не входили в круг деятельности Научного Общества имени Шевченко. Товарищество должно было быть создано в форме акционерного общества, чтобы осуществлять издание украинских книг не на пожертвования и субвенции, как обычно издавались они до этого времени, а на доходах от реализации. Когда сумма акций дошла до 3000 гульденов, весной 1899 года был создан «Украинско-русский издательский союз» — товарищество, которое в форме акционерной организации действовало для просветительских и культурно-национальных целей, и со временем стало самым большим украинским издательством, принявшим в 1904 году и издание «Литературно-научного вестника». В этом Союзе я поначалу занимал пост председателя Наблюдательного совета, а позднее, когда наблюдательный совет был слит с

дирекцией, — председателем дирекции и принимал и до сих пор принимаю деятельную часть в издательской и административной деятельности.

В собственной научной работе, кроме небольших научных статей, рецензий, материалов, помещенных в «Записках», я с начала львовской жизни много времени отдавал археографии, продолжая архивные занятия, ведшиеся и в прошлых годах. Основав в Научной обществу имени Шевченко археографическую комиссию, я предложил для нее план изданий, и из этого плана были подготовлены к изданию материалы по истории Западной Украины XVI века — необычайно важного источника для истории общественных, экономических и национальных отношений того времени. Для этого совершил я в 1895 году новое путешествие по архивам и начиная с 1895 года издал четыре тома в серии «Жерела (источники) к истории Украины-Руси».

Написание истории Украины рано, еще с киевских времен, стало моей задушевной мечтой, в полной мере вопросом своей чести и своего поколения, несмотря на то, что виднейшие представители украинской историографии старшего поколения считали, что время для того еще не пришло, не хватает материала и т.д. В своих мечтах имел я тогда написание истории короткой и общественно доступной, в трех небольших томах, которые охватывали бы старый, литовско-польский, и новый период. Заняв кафедру, я семь семестров подряд (1894–1897) читал общий курс истории Украины. Повторенный потом вторично, в 1898–1901 годах, курс этот должен был послужить как-бы скелетом этой задуманной истории. Говорю: скелетом прежде всего потому, что этот курс содержал только лишь путеводную нить политической истории, не говорил о истории культурной, о государственном устройстве, экономической жизни и т.д. — тех разделов, которые потом заняли такое важное место в окончательной реализации плана.

Вскоре пришел я к уверенности, что начинать дело нужно не короткой и популярной, а большой и строго научной историей Украины, которую бы потом можно было бы переделать в короткую и популярную. В начале 1897 года я приступил к занятиям по моему курсу, начав с менее знакомых мне тем предисторической колонизации Украины и славянской праистории. В продолжение 1897 и 1898 годов был написан I том и в конце 1898 года напечатан — выход его совпал о грандиозным празднованием юбилея украинского возрождения, организованного Научным Обществом имени Шевченко, в организации которого я активно участвовал, и, как говорили, произвел колоссальное впечатление своей речью на тему важности исторического момента и потребности интенсивной национальной работы.

В Галичине это начало Истории было принято с большим интересом, можно сказать — с энтузиазмом. Но на просьбу о пропуске книги в Россию ответом был абсолютный запрет. В научных российских и польских кругах ответом на выход книги было абсолютное молчание, как и вообще на всю Историю; да и из украинских историков-специалистов никто не высказался о книге и не дал даже статьи о ней. Не обращая на это внимание я продолжил с таким напряжением начатое дело, и в течение 1899 года был написан и издан II том, в течение 1900 года — III том, который я закончил древний период украинской истории. Сначала я надеялся уложить всю историю в 5–6 томов, позднее, когда на древний период ушло три тома, — от 7 до 8, пока обозрение общественно-политической, экономической и культурной жизни XV–XVII веков,

разросшееся на целых два тома, не убедило меня в том, что много томов будет необходимо, чтобы довести историю Украины до начала XIX века.

Ради этой работы, которую я считал, так сказать, задачей своей жизни, я отодвигал все, что можно было отодвинуть; но нельзя было отодвинуть работу в Научном Обществе имени Шевченко, «Записках» и «Вестнике», а время приносило иногда и иные работы. Так, когда в 1899 году в Киеве был должен пройти археологический съезд, с участием галицких ученых, я выдвинул и поставил ребром вопрос про допуск рефератов на украинском языке. Это был первый остро поставленный украинский вопрос на российской территории {это дало повод всем врагам украинства в России вылить потоки яда и помоев на меня, как предводителя этого дела), и нужно было задокументировать, что за этими претензиями о признании научного украинского языка стоит и действительная научная работа. Для этого было организовано бюро в Научном Обществе имени Шевченко, собрано 30 научных рефератов, которые после запрета украинского языка на съезде целиком или в виде резюме были напечатаны в «Записках» (в двух специальных больших томах и в других книгах «Записок»), там также было и несколько моих больших рефератов.

С другой стороны, много нервов ушло на решение недоразумений, возникших в 1901 году в Научном Обществе имени Шевченко, со стороны людей, недовольных деятельностью Общества. Атака была поведена на людей, близких мне, которым я с помощью Общества хотел обеспечить возможность научной работы; раздраженный этим, к лету 1901 года отказался от должности председателя и других обязанностей в Обществе. Но когда оказалось, что оппозиция совсем не имеет охоты организовывать научную работу даже по своему плану, и меня начали просить вернуться, а к этому меня призывали и многие украинцы с разных сторон, я снова вернулся к работе в Обществе, решив по возможности не обращать внимания на выходки оппозиции. Правда, в результате поддержки, которую мне оказывала большая часть членов Общества, эта оппозиция потом значительно слабела с каждым годом, постоянно повторяя, что лично против меня она ничего не имеет. Все это меня очень расстраивало, и компенсацией мне служила только моральная опора, которую давали семья и кружок интеллигентных людей, сотрудников в научной, культурной и общественной работе, которые окружали меня и подбадривали в работе по культурному развитию украинской народности.

Среди всего этого в течение 1901 года был написан IV том Истории и начат V (1902); четвертый том я хотел издать вместе с V, после его окончания. Но 1903 год принес другие планы и дела. В начале этого года я получил приглашение от вольной российской школы в Париже прочитать в ней курс украинской истории. Я с радостью принял это приглашение; у меня к тому времени укрепилась уверенность в крайней потребности популяризации украинской научной работы, в противовес ее специального игнорирования, которым, очевидно, надеялись ее окончательно замолчать противники украинства, и с помощью изданий на других языках постараться проломить запрет научных украинских публикаций в России. С этой целью уже в 1900 году и позднее обращался я к разным немецким издательским фирмам с предложением немецкого издания своей Истории, однако необычность просьбы и большие объемы работы мешали ее осуществлению — издатели отвечали отказом. Теперь предложение парижской школы подогрело эти планы и мечты, и я решил прочитать в парижской школе короткий общий курс украинской истории, и

сразу же обработать его для издания на русском и каком-нибудь европейском, например французском, языке, а также использовать эту поездку для приобретения личных связей для популяризации украинской идеи (так, я почти сразу получил приглашение прочитать лекцию в Берлине в обществе русской молодежи и т.д.)

Эти надежды на популяризацию украинства лекциями не оправдались; русская молодежь интересовалась вопросами экономики и политики, а украинская история и украинство были для нее вещами мало интересными; однако были завязаны некоторые знакомства в Париже и Лондоне, обговорены условия о французском издании малой истории и немецком большом (что правда — за мой счет).

Вернувшись из поездки в мае 1903 года (лекции в Париже читались в апреле и в начале мая, потом я побывал еще в Лондоне и Берлине), я с увлечением засел за обработку русского курса украинской истории, который назвал «Очерк истории украинского народа»; на протяжении лета он был почти весь написан. Однако эту работу, написанную с большой надеждой на рост украинской идеи, встретили различные трудности — с переводом на французский и с изданием русского текста. Издатели не хотели брать такой ненадежной в цензурном отношении книги. Один из очень либеральных издателей отговаривался боязнью, что схема украинской истории, резко расходящаяся с принятой схемой русской истории {например, включение древней Руси}, накличет на книгу осуждение со стороны русских научных кругов. Наконец после долгих мытарств я решил печатать и очерк на собственный риск; летом 1904 года он был напечатан и благодаря тому, что тогда началась «весна» Святополка-Мирского, — был выпущен в свет, так как — как говорилось в цензурной резолюции, — тон книги был спокойный и объективный, хотя и по своему смыслу не подлежащий цензурному одобрению.

Заканчивал «Очерк», я осенью 1903 года взялся за переделку I тома Истории для нового издания {первое, напечатанное в количестве только 600 экземплярах, разошлось уже в 1901 году), — так как нужно было начинать немецкий перевод — с исправленного текста второго издания. Это был тяжкий труд, так как пришлось большую часть тома переделать почти заново {в связи с разными дополнениями и использованием нового или в I томе не использованного материала). Он занял целую зиму и весну 1903–1904 годов; за это же время было написано несколько статей с целью популяризации украинской научной работы: статьи для петербургского академического сборника, в редакции которого я договорился о их печати на украинском языке; статьи о Научном Обществе имени Шевченко для Журнала Министерства Народного Просвещения; другие небольшие работы.

Лето 1903 года заняли публичные курсы, организованные во Львове, главным образом в интересах украинской молодежи, которая должна была приехать — и действительно приехала из России. Тогда же я выпустил IV том Истории и взялся за V. Конец 1904 года принес мне радостное известие — появление в России Истории, благодаря горячего и резкого письма, написанного мною к тогдашнему министру Святополк-Мирскому. Однако это добавило новой работы: тома II и III Истории разошлись, нужно было готовить новое издание, которое я хотел значительно переработать. Потерявши надежду закончить V том, я переработал и дописал главы, которые содержали в себе обозрение общественно-политического устройства украинских земель под польско-

литовским режимом и выпустил их как первую часть V тома весной 1905 года; после этого вышло новое издание II тома, а в конце года — III тома.

Тем временем волны освободительного движения в России поднимались все выше и выше. В Галичине в конце 1904 года я начал в «Вестнике» кампанию против предводителей украинской национально-демократической партии, которых подозревали в планах нового компромисса с польскими панями. Выступил против игнорирования реальных потребностей украинского народа, ослепления общественными эффективными фейерверками, что закрывали глаза на эти потребности (причиной стало дело строительства театра и основание частных школ, но полемика имела общую подоплеку). Однако я еще более часто стал откликаться на темы дня в России, в письмах и статьях — в «Вестнике» и в российских газетах — в «Сыне Отечества» и «Киевских откликах», по украинскому вопросу в России и польско-украинским отношениям в Галичине. Тогда же (летом 1905 года) организовал я новое издание «Очерка», где было расширено обозрение новейшей истории и современного состояния украинства (выпустил я его в апреле 1906 года, не дожидаясь распродажи старого, так как хотел им откликнуться на темы дня). Однако национальный и специальный украинский вопросы не вызывали симпатий в российских либеральных кругах, и писать в чужие газеты было трудно: пришлось столкнуться с отсутствием сочувствия у редакций и оставить их.

Создалась крайняя потребность в русском органе по украинскому вопросу, и эту потребность я очень пропагандировал в письмах к землякам, а к осени 1905 года выбрался на Украину, чтоб позондировать состояние украинского движения, и поагитировать за создание печатного органа. Побывавши в Киеве, Одессе и Харькове, я обрел надежду на реализацию своего плана и собрался по этому делу выехать в Петербург. Однако забастовки, манифест 17 октября, черносотенные погромы, и наконец псевдолиберальный курс и новые постановления о прессе изменили совсем ситуацию: на первый план выступило создание украинских газет, которые организовываются с началом 1906 года в разных местах, а недостаток всякого порядка, правительственный террор, а также полная неуверенность в завтрашнем дне не дают еще возможности никакой серьезной организации.

Поэтому осенью 1905 года я вернулся к работе над Историей, окончил давно начатую II часть V тома (выпущенную в начале 1906 года) и принялся за VI том, вставив туда обозрение экономической и культурной жизни, которое первоначально надеялся поместить в V томе, так как спешил быстрее начать работать над временем, от которого обычно ведут счет украинской истории. В начале летнего курса обозрение экономической жизни, начатое еще в 1904 году и потом оставленное, было закончено.

Вместе с этим я занимался организацией работы по упорядочению актов по истории казачества, необходимой в связи с тем, что с конца 1880-х годов прервалась всякая систематическая работа по этой теме. Этот проект был мной предложен в Обществе имени Шевченко еще весной 1905 года (напечатан в 24 выпуске «Хроники Общества»). Молодые археографы, подготовленные в моем семинаре, должны были разделить между собой отдельные части истории казачества и заняться собиранием к ним актового материала из неиспользованных или мало использованных рукописных сборниках Киева, Харькова, Петербурга, Москвы, Кракова, Варшавы. С лета 1905 года были организованы археографические экспедиции в Харьков, Москву, Краков, Варшаву, Петербург, а их члены сразу же по приезду должны были приступить к обработке собранных материалов и подготовке к печати.

Большая честь в этот период была мне оказана моими учениками и последователями, которые по случаю десятилетия моей научной и общественной деятельности в Галичине обрадовали меня изданием роскошного сборника: он был задуман осенью 1904 года, когда десятилетие заканчивалось, а вышел в феврале 1906 года и был мне торжественно вручен. Это событие совпало как раз с выходом II части V тома и I тома немецкого издания Истории.

Львов, 1906, март.

* * *

Хроника жизни Михаила Сергеевича Грушевского

(составлена: Сергей Шумов, Александр Андреев)

Михаил Сергеевич Грушевский родился 17 сентября 1866 года в западноукраинском городе Холм (ныне город Хелм в Польше). Отец — учитель, позднее инспектор Холмской гимназии Сергей Федорович Грушевский, автор учебника церковно-славянского языка, мать — Глафира Захаровна Опоцкевич (Опокова), из семьи церковнослужителей.

16 октября 1866 года Михаил был крещен в холмской церкви Иоанна Богослова.

Свидетельство о рождении М.С. Грушевского.

Время рождения: 1866 года месяца сентября 17-го дня.

Время крещения: того же месяца октября 16-го дня.

Имя родившегося: Михаил.

Родители: учитель Холмской русской гимназии Сергей Федоров сын Грушевский и законная жена его Глафира Захариевна дочь, оба православного исповедания.

Восприемниками были: Красноставской по крестьянским делам Комиссии III участка комиссар Федор Федорович сын Кокошкин и директора Холмской учебной дирекции Феофана Лебединцева жена Юлия Александрова дочь.

Таинство Крещения совершил и запись сию подписал Холмской Иоанно-Богословской церкви протоиерей Иаков Крошановский с диаконом Василием Алексеевским и псаломщиками Юлианом Кунаховичем и Владимиром Плышевским.

Отец Михаила Сергей Федорович преподавал в Бердичевском уезде, в Кутаиси, служил инспектором и директором народных школ в Ставрополе.

В 1880 году Михаил Грушевский поступил в третий класс Тифлисской гимназии, где увлекся изучением украинской истории и литературы, много читал, за время учебы часто награждался похвальными грамотами за отличные успехи. Тогда же стал писать небольшие рассказы. В 1885 году рассказ «Ех-аль-Джур» был опубликован во львовской газете «Дело».

В 1882 году Михаил с семьей впервые побывал в Москве.

В 1886 году Михаил Грушевский с отличием окончил Первую тифлисскую гимназию. В июле 1886 года Михаил Грушевский поступил на историко-филологический факультет Киевского университета Святого Владимира.

Его учителем был Владимир Бонифатьевич Антонович (1834—1908), выдающийся украинский историк, археолог, этнограф, глава киевской школы украинских историков, главный редактор «Временной комиссии для разбора древних актов» и издатель «Архива Юго-Западной Росии», с 1878 года служивший профессором русской истории Киевского университета.

В мае 1890 года Михаил Грушевский окончил Киевский университет, получив диплом первой степени. Тогда же он начал заниматься общественной деятельностью, участвовал в украинском движении в Киеве, публиковал очерки и исследования в периодической печати.

В мае 1891 года Михаил Грушевский избран действительным членом Исторического общества Нестора Летописца при Киевском университете.

В мае 1893 года Михаил Сергеевич Грушевский избран членом Научного общества им. Тараса Григорьевича Шевченко, а позднее и его председателем (до 1913 года).

В 1894 году Михаил Грушевский защитил магистерскую диссертацию «Барское староство» и по рекомендации В.Б. Антоновича осенью начал читать курс истории Украины во Львовском университете (Львов и Галичина входили в состав Австро-Венгрии), став ординарным профессором на кафедре всеобщей истории.

В октябре 1894 года М.С. Грушевский избран членом Украинско-русского педагогического общества во Львове, а также действительным членом львовского общества «Русская беседа». Тогда же стали печататься первые очерки М.С. Грушевского по истории Украины-Руси.

С 1895 года Михаил Сергеевич Грушевский стал председателем историко-философской секции Научного общества имени Тараса Шевченко, редактором «Записок Наукового Товарищества».

В феврале 1895 года М.С. Грушевский избран членом львовского Польского социалистического общества. В мае того же года М.С. Грушевский избран членом-корреспондентом Краковской Академии наук. Работал в архивах Варшавы и Москвы.

В январе 1896 года стал председателем Археологической комиссии Научного общества им. Т. Шевченко.

В декабре 1896 года М.С. Грушевский женился на львовской учительнице Марии Сильвестровне Волковской.

В начале 1897 года М.С. Грушевский начал работать над «Историей Украины-Руси», которая стала печататься по одному тому почти ежегодно.

Е январе 1897 года М.С. Грушевский избран в Археологическую комиссию Московского археологического общества.

В октябре 1898 года на праздновании 100-летия создания «Энеиды» И. Котляревского и возрождения украинской литературы М.С. Грушевский прочитал доклад «Украинско-русское литературное возрождение в историческом развитии украинского народа», вызвавший резонанс по всей Украине,

В марте 1899 года по инициативе М.С. Грушевского во Львове создан «Украинско-русский издательский союз».

В 1899 году М.С. Грушевский — один из создателей из общества «Народная рада» Национально-демократической партии в Галиции, стал заместителем председателя партии.

21 июня в семье Грушевских родилась дочь Екатерина, позднее также ставшая историком.

6 февраля 1901 года умер отец М.С. Грушевского Сергей Федорович.

В марте 1901 года М.С. Грушевский избран действительным членом Одесского общества истории и древностей; в апреле — почетным членом Волынского церковно-археологического общества.

Весной и летом 1904 года М.С. Грушевский дважды ездил в Италию.

Летом 1904 года М.С. Грушевский опубликовал в Санкт-Петербурге на русском языке «Очерки истории украинского народа». Книга была переиздана в 1906, 1911 и 1913 годах.

В конце 1904 года на собственные средства М.С. Грушевского открыта частная учительская гимназия в Коломые.

Во время революции 1905-1907 годов М.С. Грушевский боролся за автономию Украины в составе федеративной России, публиковал статьи, в которых сформулировал цели и задачи украинского движения, а также опубликовал проект будущей конституции России.

В сентябре 1906 года в Киеве начала выходить ежедневная украинская газета «Рада», одним из учредителей которой стал М.С. Грушевский.

В январе 1907 года в Киеве начал выходить журнал «Украина», редактором которого стал М.С. Грушевский.

В апреле 1907 года в Киеве было образовано Украинское научное общество, председателем которого был избран М. С. Грушевский.

В сентябре 1908 года М.С. Грушевский вошел в руководство полулегального «Товарищества украинских поступовцев», печатал статьи и очерки, участвовал в издании газет и журналов.

В ноябре 1910 года М.С. Грушевский отметил двадцатипятилетие научной и литературной деятельности.

В сентябре 1914 года над М.С. Грушевским установлен негласный полицейский надзор. С сентября М.С. Грушевский находился в Вене, в декабре вернулся в Киев, тогда же был избран членом Чешской Академии наук. 11 декабря 1914 года М.С. Грушевский был арестован царскими властями и выслан в Симбирск, осенью 1915 года — в Казань.

В сентябре 1916 года М.С. Грушевский с семьей переехал в Москву, где возобновил общественно-политическую деятельность.

4 (17) марта 1917 года М.С. Грушевский был заочно выбран председателем Украинской Центральной Рады — объединенного органа партий и организаций Украины. 27 марта ученый приехал в Киев, где на следующий день председательствовал на заседании Центральной Рады и стал ее главным идеологом.

10 (23) июня 1917 года в Киеве Центральная Рада провозгласила автономию Украины и создала правительство — Генеральный секретариат.

За небольшой период в Киеве были открыты Украинская Академия искусств, Украинский Народный Университет, Украинская Научно-педагогическая Академия, украинские гимназии.

В ноябре 1917 года Украинская Центральная Рада во главе с М.С.Грушевским приняла резолюцию, осуждавшую Петроградский октябрьский переворот.

20 ноября 1917 года Ш Универсалом Украинской Центральной Рады была провозглашена Украинская Народная Республика. На Софийской площади Киева М.С. Грушевский принял военный парад.

8 декабря Центральная Рада была признана высшим законодательным органом Украины,

В январе 1918 года началось наступление большевистских войск на Украину.

28 января 1918 года по предложению М.С. Грушевского Центральной Радой был принят IV Универсал, провозгласивший Украину независимым суверенным государством; было создано новое правительство Украинской Народной Республики.

26 января 1918 года Центральная Рада переехала из Киева в Житомир.

В начале февраля 1918 года Киев был взят большевистскими войсками, дом М.С. Грушевского с частью архива сгорел, 10 февраля умерла его мать Глафира Захаровна.

14 февраля 1918 года правительство Украинской Народной Республики обратилось к Германии с нотой о военной помощи в борьбе против большевиков.

25 февраля 1918 года гербом Украинской Народной республики стал трезубец, введен григорианский календарь и средневропейское время; через неделю была утверждена украинская денежная единица — гривна.

1 марта 1918 года Центральная Рада возвратилась в Киев с австро-германскими войсками.

28 апреля 1918 Центральная Рада была разогнана генералом ИЛИИ Скоропадским, осуществившим государственный переворот. перешел на нелегальное положение. Был объявлен его розыск.

14 ноября 1918 года в Киеве состоялось официальное открытие Украинской Академии Наук.

В феврале 1919 года семья Грушевских из Киева переезжает в Каменец, а в марте — в Станислав, в конце марта — в Прагу.

В июне-августе 1919 года М.С. Грушевский работает в Париже, потом возвращается в Прагу, с ноября семья Грушевских живет в Женеве, потом в Вене. создает «Украинский социологический институт».

В декабре 1923 года Всеукраинская Академия наук избрала М.С. Грушевского действительным членом ВУАН. Президиум Всеукраинского Центрального исполнительного комитета по ходатайству М.С. Грушевского разрешил ему вернуться на Украину.

2 марта 1924 года семья Грушевских вернулась в Киев. М.С. Грушевский руководил секцией истории Украины Исторического отделения ВУАН, работал в журнале * Украина*.

В октябре 1926 года М.С. Грушевский отмечает 60-летие со дня рождения и 40-летие научной деятельности.

В январе 1929 года М.С. Грушевский на общем собрании был избран действительным членом Академии Наук СССР.

В начале марта 1931 года с дочкой Екатериной приехал в Москву. 23 марта приказом заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоды шестидесятипятилетний ученый был арестован по придуманному ГПУ делу «Украинского национального центра* и перевезен в Харьков, где активно допрашивался. 4 апреля ученою снова перевезли в Москву и после разговора с заместителем председателя ОГПУ С. Мессингом и начальником секретно-политического отдела ОГПУ Я. Аграновым освободили из-под ареста. М.С. Грушевский был оставлен в Москве; занимался научной деятельностью.

В октябре 1934 года М.С. Грушевский с женой приехал в Кисловодск на отдых. После двух операций 25 ноября М.С. Грушевский скончался в Кисловодской городской больнице. Подробности его смерти до сих пор не выяснены.

М.С. Грушевский похоронен в Киеве, на Байковом кладбище.

Жена М.С. Грушевского Мария Сильвестровна умерла в Киеве в 1949 году.

Дочь М.С. Грушевского Екатерина, автор книга «Украинская народная дума», была арестована в 1937 году; умерла в ссылке в 1953 году.

Основные труды М.С. Грушевского: «История Украины-Руси» (1898–1936, доведена до 1658 года); «Очерки истории Украинского народа» (СПБ, 1904); «Иллюстрированная история Украины» (Киев-Львов, 1911); «История украинской литературы» (т.1—5, Киев-Львов, 1923–1928).